

ЛАВРЕНОВА Ольга Александровна / Olga LAVRENYOVA

| Семантика культурного ландшафта и поэтические метафоры |

ЛАВРЕНОВА Ольга Александровна / Olga LAVRENYOVA

Россия, Москва.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
ведущий научный сотрудник, кандидат географических наук, доктор философских наук.

Russia, Moscow.

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D. Likhachev.
Leading researcher, PhD in Philosophy.olgalavr@mail.ru

СЕМАНТИКА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА И ПОЭТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ

В статье обсуждается семантика культурного ландшафта, определяемая поэтическими метафорами. Поэзия привносит новые образы в устоявшееся взаимодействие культуры и пространства. И в то же время существует предшествование поэтического образа, в том числе и пространственной метафоры, — оно лежит в области зависимости творческого сознания от сферы бессознательного, выраженного в культурных кодах, трансформирующихся при рождении образа. Метафорическое использование топонима в поэзии формирует смысловую «ауру» соответствующего географического объекта. Это разновидность дискурсивной практики культуры по отношению к пространству.

Ключевые слова: культурный ландшафт, семантика, поэзия, метафора

Semantics of the Cultural Landscape and Poetic Metaphors

The article discusses the semantics of a cultural landscape, defined by poetic metaphors. Poetry brings new images into the well established interaction between culture and space. At the same time, there is the priority of the poetic image, including spatial metaphors, which belongs to the area where creative consciousness depends on the sphere of the unconscious, expressed in cultural codes which, in turn, are themselves transformed, once the image is born. Using place names metaphorically brings a semantic aura to the relevant geographic object. It is a kind of discursive practice of culture in relation to space.

Key words: cultural landscape, semantics, poetry, metaphor

В рамках когнитивной теории, определяющей метафору как инструмент понимания мира, принято считать, что метафоры, по определению С. С. Гусева, «наглядно выражают для всех носителей данной культуры основные ценностные установки и ориентации общества»¹. Метафоры структурируют достаточно обширную область взаимоотношений культуры и пространства. Ландшафт как частное проявление пространства тоже может выступать в роли метафоры. В процессе метафоризации создается множество смысловых коннотаций, за счет которых происходит передача непередаваемой информации, как ландшафтной, так и культурной. Культурный ландшафт насыщен метафорическими образами, латентными, сокрытыми в ориентационных метафорах, или явными, составляющими информационный слой того или иного места, его образ, «ауру».

Новые или творческие метафоры (в отличие от общепринятых метафор) возникают чаще всего в поэзии, А. Н. Баранов определяет их как переносные значения, еще не закрепленные в языковой системе или не воспроизводимые регулярно в об-

суждаемом дискурсе². В новизне поэтических метафор есть свои преимущества: «Метафорический смысл как таковой вырачивается в толще образов, высвобождаемый поэтическим текстом»³, — считает Поль Рикер. Башляр говорит об этом так: «Благодаря поэтической речи по поверхности бытия разбегаются волны новизны. А язык несет в себе диалектику открытого и закрытого. Смысл служит закрытости, поэтическая речь — открытости»⁴. Герменевтическое понимание сущности пространства через поэтические строки, открывает соподчиненность стремящегося к беспредельности смысла и реальной пространственной формы. В таком подходе кроются безграничные возможности интерпретации, в том числе и культурного ландшафта как феномена культуры.

«Поэтический образ с присущими ему новизной и активностью обладает собственным бытием, собственной динамикой.

¹ Гусев С. С. Смысл возможного. Коннотационная семантика. СПб., 2002. С. 219.

² Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 75.

³ Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 453.

⁴ Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. С. 190.

ЛАВРЕНОВА Ольга Александровна / Olga LAVRENYOVA

| Семантика культурного ландшафта и поэтические метафоры |

Образ относится к области *непосредственной онтологии* <...> Благодаря новизне своих образов поэт всегда творец языка. Уточняя определение феноменологии образа, уточняя специфику образа, *предшествующего* мысли, можно сказать, что поэзия — скорее феноменология души, нежели феноменология духа»⁵, — полагает Г. Башляр.

По мнению Н. В. Павлович «поэтический образ — это небольшой фрагмент текста (слово, несколько строк, предложение и т. п.), в котором сближаются противоречащие в широком смысле понятия (логически противоречивые, противоположные, несовместимые и т. д.), т. е. такие понятия, которые обычно не сближаются в общелитературном языке»⁶, — тем самым самой сутью поэтического образа оказывается метафора, по определению сближающая далеко отстоящие друг от друга понятия.

В подтверждение этого тезиса приведем некоторые творческие метафоры географических объектов из «Словаря поэтических образов»⁷. Итак:

Вена — овен. О вена ветренная, жертвенный овен! (Соловьев С. В.). **Падуя — голова Иоанна Крестителя.** Город-ухмылка со жгучей слезой — / как голова Иоанна на блюде (Соловьев С. В.). **Феодосия — овечьё стадо.** Окружена высокими холмами / Овечьим стадом ты с горы сбегашь (О. Мандельштам). **Москва — кошка.** Дикой кошкой горбится столица (О. Мандельштам). **Москва — паук.** ...Москва семихолмною там растарашей сидела на корточках, точно паук семиногий, готовый подпрыгнуть под облако! (А. Белый) **Москва — лилия.** И в глуши, где ягод в изобилии, / Где дубы да щедрая смола, / Юной белокаменной лилией / Древняя столица расцвела (Д. Андреев) **Киев — тур.** ...И Киев — тур златорогий / На царградские дороги / Гладит с Перунова холма! (Н. Клюев) **Новгород — гроб.** ...И Новгород, как гроб обширный, предо мной / Лежит, простерт в тиши уединенья (П. А. Плетнев).

Самая неожиданная метафора города, на наш взгляд, принадлежит Валерию Брюсову:

*Дремлет Москва, словно самка спящего страуса.
Грязные крылья по темной почве раскинуты,
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея — беззвучная черная Яуза.*

Здесь соединяются несколько устоявшихся в русской культуре «гештальтов» (по М. Лакоффу и М. Джонсу), о которых речь пойдет несколько позже, Москва — сущность женского рода (самка), Москва — не Россия (страус, инородная для России птица). К иконическому образу этой метафоры добавляются два наиболее «весомых» в смысловом отношении понятия — «сон» и «грязь».

Анализ этой поэтической метафоры показывает, что мы можем и не согласиться с автором «Поэтики пространства» в том,

что поэтический образ не подготовлен ничем, ни культурой, ни восприятием, и является лишь производной от творческих способностей человека⁸. При всей своей новизне и неожиданности другие вышепроцитированные метафоры также имеют свои глубинные «гештальты» — антропоморфность, зооморфность, фитоморфность, коннотации к конкретным деталям ландшафта (семь холмов — как семь ног паука).

Существует предшествование образа, в том числе и пространственной метафоры, — оно лежит в области зависимости творческого сознания от сферы бессознательного, выраженного в культурных кодах, трансформирующихся при рождении поэтического образа: «каждый образ существует в языке не сам по себе, а в ряду других — внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов — и вместе с ними реализуется некий общий для них смысловой инвариант, т. е. модель или парадигму»⁹. «Парадигма образа — это инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления («Время —> вода»). <...> Мы предполагаем, что парадигмы образов обеспечивают единство нашего духовного мира, взаимопонимание и преемственность в культуре»¹⁰.

Вышеприведенным рассуждением близко высказывание Х. Ортега-и-Гасета: «раньше метафора покрывала реальность, как кружево, как плащ. Теперь, метафора стремится освободиться от своих внепоэтических, или реальных, покровов — речь идет о том, чтобы реализовать метафору, сделать из нее *res poetica*»¹¹. На наш взгляд, поэтические тексты зачастую точнее, чем научные штудии определяют сущность понимаемого пространства, структурируя его с помощью неожиданных образов, которые придают ландшафту полисемантическую вариативность.

Мы рассмотрим русскую поэзию и рожденные ею пространственные и географические метафоры как реперы культурного ландшафта страны и восприятия/воспроизведения мирового геокультурного пространства. В русской поэзии возникают метафоры разного рода — за счет сближения географических объектов разной смысловой наполненности, сближения географических объектов с абстрактными идеями и антропоморфными образами и др. Прежде всего, метафорами определяется внутреннее пространство России, ее культурный ландшафт, подтверждается системность метафорических концептов, связанных с географическим пространством. Иногда одни и те же метафорические образы, «гештальты», проявляются через века, что подчеркивает их преемственность (здесь надо учитывать, что поэзия по определению стремится не повторяться в образах). Поэты в равной степени оперируют как наименее стабильными авторскими метафорами, так и устойчивыми, исторически зафиксированными в культуре, при этом стремятся даже в эти закрепленные смыслы привнести новизну образа.

⁸ Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. С. 14.

⁹ Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. В 2 т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. XXIX.

¹⁰ Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. В 2 т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. XXIX.

¹¹ Ортега-и-Гасет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 251.

ЛАВРЕНОВА Ольга Александровна / Olga LAVRENOVA

| Семантика культурного ландшафта и поэтические метафоры |

Одна из наиболее логичных метафор, вытекающих из традиционного образа мира: *Россия — антропоморфная сущность*, находящаяся в географическом пространстве, которое предстает как вместилище этой сущности. В поэзии эта метафора восходит еще к XVIII веку. М. Ю. Ломоносов создает следующий образ:

Она, коснувшись облаков
Конец не зрит своей державы;
Гремящей насыщенной славы
Покоится среди лугов.
В полях, исполненных плодами
Где Волга, Днепр, Нева и Дон
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Сидит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
Возлеги локтем на Кавказ.

В этом иконическом образе читается и имперская сущность России, и ее географические границы, причем, положение «ногами на Восток», а «локтем на Кавказ» вполне соответствует более поздней метафоре «Петербург — голова, Москва — сердце», определяющей «голову и грудь» этого существа-макроландшафта на европейской территории. И эта сущность — женщина.

Через два столетия Велимир Хлебников в произведении «Азы и Узы» создает другой образ в пределах того же «гештальта». В нем, в частности, реализуется популярная для народной мифологии метафора «реки — волосы мифологических существ». Здесь, кроме того, соединяется личность поэта с некой макросущностью, на этот раз мужского рода, чье положение в пространстве уже определить довольно сложно, поскольку все реки России становятся его волосами:

Я, волосатый реками...
Смотрите! Дунай течет у меня по плечам.
И — вихорь своевольный — порогами синее Днепр.
Это Волга упала мне на руки,
И гребень в руке — забором гор
Чешет волосы.
А этот волос длинный —
Беру его пальцами —
Амур, где японка молится небу,
Руки сложив во время грозы.

Такой же мифический персонаж — в поэтических строках Н. Клюева, но на этот раз макроландшафт европейской России выступает «вместилищем», жизненным пространством, а не телом:

Наша баница от Камы до Оки,
Горы с долами — тесовые полки,
Ковш узорчатый — озерышко Ильмень:
Святогору сладко париться не лень!

Уже без мифологизма антропоморфный образ страны создает В. Маяковский:

Россия
вся
единый Иван,
и рука
у него —
Нева,
а пятки — каспийские степи.

Россия — бескрайние пространства.

Метафора приравнивающая беспредельность и Россию, не самая распространенная в поэзии, но воплощается в достаточно ярких образах.

Чуть не полмира в себе совмещая
Русь широко протянулась родная.
Н. Некрасов

Россия, расширенный материк...
В. Хлебников

От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной океан.
Н. Клюев

От Индии до Византии
Кто дремлет, если не Россия?
Н. Гумилев

В философско-художественной эссеистике Георгия Гачева возрождаются и соединяются две метафоры — бесконечного пространства и антропоморфной сущности, в которой еще больше подчеркивается ее женственность. По Гачеву Россия — «это "бесконечный простор"». Пространство тут важнее времени. <...> Россия — огромная белоснежная баба, расплывающаяся вширь: распростерлась от Балтики до Китайской стены, а пятки — Каспийские степи...»¹².

Россия — трансценденция, святая земля, святая дева.

В поэтическом творчестве XVIII в. распространены такие синонимы России, как Северный Эдем — рай, смещенный на север из Индии (где он находился на средневековых европейских картах).

С начала XIX века в русской поэзии появляется словосочетание «Святая Русь», содержащая обширный пласт стереотипов и ассоциаций, где убожество (у-Божество) не противоречит духовному величию. У Ф. И. Тютчева Россия — святая земля, распространяющаяся по всей Евразии:

Москва и град Петров и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы.
Но где предел ему и где границы —

¹² Гачев Г. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и славянством. М., 1997. С. 622.

ЛАВРЕНОВА Ольга Александровна / Olga LAVRENYOVA

| Семантика культурного ландшафта и поэтические метафоры |

На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...
Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское и не преидет вовек,
Как то предвидел Дух и Даниил предрек.

Здесь интересна воплощенная в поэтическую метафору экспансия национального сознания, «по праву святости» распространяющего себя на все территории континента, включив священные реки индийской и шумерской культуры, присовокупив еще и африканскую реку Нил (надо полагать, как ассоциативный географический аналог древнеегипетской культуры). Данная метафора еще раз свидетельствует, что культура России, ассимилируя культурное наследие других стран и регионов, на информационном уровне впитывает и географические реалии стран и культур-прародительниц, которые считает «своими». Как писал А. Белый, «Царьград, Константиноград (или, как говорят, Константинополь), принадлежит [Российской империи] по праву наследия»¹³.

К началу XX века в поэзии образ Святой Руси как святой сущности и святой земли получает свое логическое завершение, перейдя полностью в духовное пространство, не претендуя на экспансию в геокультурном пространстве:

О Русь, приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.
С. Есенин

О том, что было, не жалея
Твою я понял высоту:
Да, Ты — родная Галлилея
Мне — невоскресшему Христу.
А. А. Блок

Благословить тебя в далекий ад сойдем
Стопами легкими Россия.
О. Мандельштам

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия, —
Мессия грядущего дня!
А. Белый. Родине

Китай и Европа, и Север и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг,
Чтоб бездну с зенитом в одно сочетать.
Им Бог восприемник, Россия им мать.
Н. Клюев

В последней метафоре интересна «духовная экспансия» образа России, становящейся матерью мира.

Россия — Рим. Так же, как и все европейские культуры Россия в XVIII веке примеряет на себя роль Рима. Инаковость подчеркивается за счет определения ее географического положения, Россия — «Северный Рим». Это одновременно выводит определяет ее позиционирование в мировом геокультурном пространстве, она не претендует на роль Запада, хотя и является его преемницей. Культурной прародиной России в русской поэзии предстает античная цивилизация (что отмечается в специфике самоназваний России, используемых в поэзии). Тем не менее, обозначив себя как Север или Восток, признает свою самобытность и самодостаточность.

Метафора, возникающая за счет сближения двух топонимов существенно меняет свой смысл, если в качестве «источника» выступает часть света. В этом случае благодаря метафорической проекции происходит не столько внутреннее структурирование «цели», сколько определение ее местоположения в мировом геокультурном пространстве. Так, два века, XVIII и XIX, в поэзии существует устойчивая метафора **Россия — Север**. В конце XIX века из поэтических текстов практически исчезает такое самообозначение России, и однозначным ее синонимом, определяющим положение в геокультурном пространстве, появляется метафора, концептуальная и для современной русской культуры: **Россия — Азия**. В системе представлений о мире Россия как бы сдвигается на юго-восток.

Ты, Рассея моя... Рас...сея...
Азиатская сторона.

С. Есенин

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

А. А. Блок

Идея азиатских корней России, являющаяся одной из причин самообозначения России как «Азии» в русской поэзии, и рождения соответствующей метафорической проекции, впоследствии способствовала «присвоению» в поэтическом творчестве индийских и даже китайских географических реалий. Но прямые заявления о принадлежности России тех или иных геобъектов «по праву наследия» — все же большая редкость в поэзии, хотя эмоциональный оттенок «далекой прародины» по отношению практически ко всем центрам древних культур встречается намного чаще.

Метафора **Русь — великая степь** закрепляется в культуре Серебряного века двумя известными стихотворениями «Скифы» Н. Гумилева и «Панмонголизм» В. Соловьева, рефреном звучит и в строках С. Есенина:

С иными именами
Встает иная степь.

С. Есенин

¹³ Белый А. Петербург. // Русские столицы Москва и Петербург. — М., 1993.

ЛАВРЕНОВА Ольга Александровна / Olga LAVRENYOVA

| Семантика культурного ландшафта и поэтические метафоры |

Санкт-Петербург:

— **Пальмира Севера** — эта метафора была довольно распространена в XVIII веке, она сближала два одновременных культурных центра, и структурирующая Петербург в границах концепта или «гештальта» южной столицы, со всем своим величием перемещенной на север. По библейскому преданию Пальмира была основана Соломоном, соответственно, Петербург обретает структуру «освященного Святым писанием и преданием» города.

— **столица мира** — в поэзии Серебряного века столица имеет такие определения, как «город всемирный» (А. А. Блок), о нем же О. Мандельштам говорит:

*О, если ты звезда, — Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает!*

— **не Россия** — «западнический соблазн», вплоть до полного противопоставления столицы стране:

*Пойду из столицы в Расею...
В. Я. Брюсов.*

— **вымышленный, искусственный город** — чье величие «приписывается исключительно мощной воле Петра Великого»¹⁴:

*Тучи, как волосы, встали дыбом
Над дымной, бледной Невой.
Кто ты? О, кто ты? Кто бы ты ни был,
Город — вымысел твой.
Б. Л. Пастернак.*

Москва:

— **библейский город** — А. П. Сумароков приравнивает московский Кремль к Сиону,

— **мать** — «быв градов всех русских мать» (Г. Р. Державин), «мать градов России» (А. С. Пушкин), «матушка» (Н. А. Некрасов),

— **исторический и духовный исток** — «старая» (Ф. И. Тютчев), «древняя» (А. Фет) «первопрестольная» (Н. А. Некрасов, Ф. И. Тютчев), «старая» (В. Хлебников), «святая» (В. Я. Брюсов), «белая престольная» (Н. Клюев).

Москва олицетворяет религиозную, духовную столицу России, в поэтических метафорах Серебряного века и позже подчеркивается ее «азиатскость»:

*Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.
С. Есенин
...буддийская Москва
О. Мандельштам*

Волга:

— **царица** — «царица великая рек» (В. Я. Брюсов).

— **мифологическая река** — в творчестве В. Хлебникова реке возвращается древнее название «Ра».

Кавказ:

— **антропоморфная сущность мужского рода** — «угрюмый Казбек», «Терек злой» (А. С. Пушкин). В творчестве М. Ю. Лермонтова, несмотря на принудительное пребывание поэта в этих краях, Кавказ — «седой, голубой, величавый». Но и у того, и у другого поэта Кавказ и его внутренняя география несут в себе целую гамму эмоциональных оттенков в экзотически-романтическом ключе.

— **царь** —

*Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный
М. Ю. Лермонтов*

— **мифологическое пространство** — «библейской скатертью богатый Арарат» (О. Мандельштам).

*... За кулисы того поднебесья,
Где томился и мерк Прометей...
Б. Л. Пастернак*

— **опасность** — по Пастернаку:

*Кура ползет атакой газовой
К Арагве, сдавленной горами.
...
Горшком отравленного блюда
Внутри дымился Дагестан.*

Твердыня Уральских гор — женщина — при общей органичности для культуры иконичной метафоры «горы — женская грудь, женщина», Б. Л. Пастернаку принадлежит интересная авторская метафора, изменяющая пол макрорегиона («Урал-батюшка») в культуре:

*Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти,
На ночь натыкаясь руками, Урала
Твердыня орала и падая замертво,
В мученьях ослепшая, утро розала.*

Из поэтических метафор внешнего геокультурного пространства выделим несколько наиболее ярких.

Европа — дама в преклонном возрасте. Метафора «старой Европы» выражается в определительных к территории в целом — «обветшалая», «ветхую главу Европа преклонила» (А. С. Пушкин). Эта метафора применима и ко многим ее внутренним реалиям — «померкший старый Кельн» (В. Я. Брюсов), «старый Кельн» (О. Мандельштам), «старый пламенный Париж» (А. А. Блок), «старинная Прага» (Б. Л. Пастернак), «веселая, старая Польша» (Н. Гумилев).

Великие реки — сущности, объединяющие мир — авторская метафора Велимира Хлебникова вполне отвечает архаи-

¹⁴ Геттнер А. Европейская Россия. Антропогеографический этюд // Русские столицы Москва и Петербург. — М., 1993.

ЛАВРЕНОВА Ольга Александровна / Olga LAVRENYOVA

| Семантика культурного ландшафта и поэтические метафоры |

ческому восприятию мира. Разница лишь — в географическом (всемирном) размахе.

*Где Волга скажет «лю»,
Янцекьянг промолвит «блю»,
И Миссисипи скажет «весь»,
Старик Дунай промолвит «мир»,
И воды Ганга скажут «я»...*

Интересны двойные метафоры, сводящие в одном смысловом пространстве разные топонимы и их значения, своего рода **метаметафоры от географии**. Эти образы нехарактерны для обычной понятийной системы, не имеют системного характера, в них проявляется новый способ осмысления геообъектов, в том числе и через географическую карту.

*[Париж]... о город многоликий,
Ты человечества Мальстрем.*
В. Я. Брюсов

*Размокшей каменной баранкой
В воде Венеция плыла.*
Б. Л. Пастернак

*Аравия, Сирия, Гоби –
Это лишь затиханье сахарской волны
В сатанинской воспрянувшей злобе.*
Н. Гумилев

Н. Гумилев при описании Африки применяет картографическую метафору, в которой, кстати сказать, если судить по очертаниям материка, «груша» висит «вверх ногами»:

*Ты на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.*

В поэзии Серебряного века появляются метафоры, в которых топонимы и соответствующие им образы выступают в качестве «источника», структурируя и определяя универсальные мысли и чувства: «моя любовь — палящий полдень Явы» (В. Брюсов), «опять Востоком воли песня вспыхнула в груди» (В. Хлебников). В подобных случаях используется символическое значение геообъекта или один из его стереотипов в культуре. Через стереотипное представление о жарком климате Явы выражается горячая любовь, через емкий символ Востока выражается мечта о воле.

Многие из перечисленных метафор оказываются онтологически сочетаемы¹⁵ в пределах устоявшейся картины мира, будучи объединенными одним дискурсом. Когнитивно-семантическая сочетаемость наблюдается значительно реже. Например, метафорическая модель «персонализации», чрезвычайно широко распространенной по отношению к географическим объектам, противоречит их иерархии в геокультурном пространстве. Если попытаться объединить их в целостный образ, то получится, что Россия-сущность состоит из таких же самостоятельных и сознательных сущностей — Урала, Волги, Дона и т. п.

В каждом культурном ландшафте зашифровано определенное множество смыслов, часть из них — определена метафорами, закрепленными в культуре и/или в литературе (как в случае авторских поэтических метафор, не склонных к репродуцированию и развитию). «Гроздь» сигнификативных и денотативных дискрипторов каждой метафоры одновременно образуют семантические «поля» не только в лингвистическом и культурологическом, но и в их географическом понимании — через метафорическое использование топонима они формируют смысловую «ауру» соответствующего географического объекта. Это своего рода дискурсивная практика культуры по отношению к пространству.

¹⁵ См.: Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003, № 2.

